

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РУССКИЕ ТУРКЕСТАНСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ПИСЬМАХ С.М. ДУДИНА
К С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГУ ИЗ СОБРАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ФИЛИАЛА АРХИВА РАН¹

© 2015

М. Д. БУХАРИН, И. В. ТУНКИНА

*“Иной раз кажется, будто рок довлеет над всем,
что связано с этой экспедицией”
[Воробьева-Десятковская, 2011, с. 21]*

В статье публикуются письма классика научной фотографии С.М. Дудина к выдающемуся российскому ученому-востоковеду и организатору науки академику (с 1900 г.) С.Ф. Ольденбургу, бывшему на момент переписки непременно секретарем Петербургской академии наук (с 1904 г.), а затем – Российской АН (с 1917 г.), АН СССР (1925–1929). Помимо этого С.Ф. Ольденбург был в 1909–1910 и 1914–1915 гг. руководителем Русских Туркестанских экспедиций. В письмах содержится важная информация о развитии российских историко-археологических исследований в Восточном Туркестане.

Ключевые слова: Архив РАН, С.Ф. Ольденбург, С.М. Дудин, история науки, история археологии, Восточный Туркестан.

Начало XX в. – интереснейший период в развитии российской исторической науки. Политико-административное расширение Российской империи на Восток, с одной стороны, вызвало необходимость интенсифицировать исследования новоприобретенных земель в Средней Азии и смежных с ними территорий, с другой – обострило конкуренцию с ведущими мировыми державами за влияние в регионе. Не только в большой политике, но и в научных исследованиях – географии, археологии, во многих отраслях востоковедения – шла своя “Большая игра”²: коллегиальность и сотрудничество интенсивно вытеснялись стремлением изолировать те или иные области Центральной Азии от присутствия конкурентов (об этом аспекте см., в частности: [Бухарин, 2014, с. 169–182]), монополизировать определенные виды исследований.

Во второй половине XIX в. появилась возможность исследовать труднодоступные регионы, называвшиеся Восточным, или Китайским, Туркестаном (в противоположность Западному – Русскому). Экспедиции российских географов, геологов, биологов различных специализаций, которые *volens nolens* становились и первыми историками

¹ Исследование М.Д. Бухарина проведено при поддержке РГНФ “Становление и развитие российского востоковедения в свете новых документов из архивных собраний РАН и РГБ”, проект № 12-01-00097; исследование И.В. Тункиной проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-00010.

² Рассмотрение роли археологических экспедиций в борьбе за влияние в регионе – в “Большой игре”, которую Российская империя вела с Великобританией, даже самое краткое, не входит в задачи статьи. Обзор проблемы см.: [Gorshenina, 2012, p. 183–190].

края, – Ч.Ч. Валиханова в 1858–1859, П.П. Семенова-Тян-Шанского в 1856–1857 и 1888, Н.А. Северцова в 1857–1858, 1865–1868, 1877–1879, Н.М. Пржевальского в 1871–1872, 1876–1877, Н.М. Пржевальского и В.И. Роборовского в 1879, 1883 и 1888 гг., самого В.И. Роборовского в 1893–1895, И.В. Мушкетова в 1874–1880, М.В. Певцова в 1878–1879, 1889–1890, А.Э. Регеля в 1878–1879, Г.Е. Грум-Гржимайло в 1889 г., а также ряд других, предвзяли деятельность археологов.

В практической плоскости вопрос об организации российской археологической экспедиции в Восточный Туркестан был поставлен С.Ф. Ольденбургом в октябре 1891 г. на заседании Восточного отделения Русского археологического общества (ВО РАО) [Литвинский, Терентьев-Катанский, 1988, с. 26]. Задачи по изучению истории региона ставились Русским географическим обществом, которое наряду с ВО РАО с середины XIX в. отправляло свои экспедиции в Центральную Азию в целом и Восточный Туркестан в частности [там же, с. 17]. При поддержке как научных обществ, так и “властей предержавных”, прежде всего российских консульств в Восточном Туркестане, российские археологи внесли огромный вклад в изучение Восточного Туркестана.

Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) сыграл важнейшую роль в развитии исторической науки в России первой трети XX в., в том числе в развитии отечественных исследований Средней и Центральной Азии³. Ольденбург стоял во главе двух экспедиций, организованных на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (далее – Русский комитет)⁴ в 1909–1910 и в 1914–1915 гг. Большую роль в изучении истории исторической науки в России первой трети XX в. играет его эпистолярное наследие, значительная часть которого остается неопубликованной.

Автором публикуемых писем к С.Ф. Ольденбургу является Самуил Мартынович Дудин (1863–1929). Его творческая биография привлекает к себе внимание специалистов по истории архитектуры и изобразительного искусства, востоковедению и этнографии. Как представляется, каждая деталь ее реконструирована со всей возможной полнотой⁵, однако самому яркому эпизоду в его творческой жизни – участию в Русских Туркестанских экспедициях (далее – РТЭ) под руководством академика С.Ф. Ольденбурга – в обобщающей работе о Дудине уделен всего один абзац [Прищепова, 2011, с. 628–629]. На кончину С.М. Дудина, участника двух экспедиций Русского комитета в Китайский Туркестан, С.Ф. Ольденбург, тогда директор Института востоковедения АН СССР, отозвался проникновенным некрологом [Ольденбург, 1930, с. 353–357].

Парадоксально, но о туркестанских экспедициях С.Ф. Ольденбурга – примечательном начинании отечественной исторической науки – “в научной литературе известно совсем немного” [Воробьева-Десятовская, 2011, с. 21]. Это связано с тем, что подавляющее большинство привезенных оттуда материалов остались неопубликованными, а также с тем, что в отличие от западноевропейских и японских коллег С.Ф. Ольденбург не стремился к вывозу культурных ценностей из изучаемого ареала в “цивилизованный” мир, а основывался на культуросберегающем принципе востоковедной археоло-

³ О жизни и научной деятельности С.Ф. Ольденбурга см.: [Сергей Федорович Ольденбург, 1986; Мясников, 2013, с. 489–499]. Список его работ насчитывает более 500 монографий, статей, рецензий [Скачков, Чижикова, 1986, с. 122–153].

⁴ Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении был создан в 1903 г. как составная часть Международной ассоциации по изучению Центральной и Восточной Азии (Association internationale pour l'exploration archéologique et linguistique de l'Asie Centrale et de l'Extreme Orient; Central and East Asia Exploration Fund; устав “высочайше утвержден” 2 февраля 1903 г.), которая была сформирована по инициативе крупнейшего востоковеда-тюрколога акад. В.В. Радлова на XII Международном конгрессе востоковедов в Риме в октябре 1899 г. Подобные комитеты были созданы и в других странах, заинтересованных в исследованиях Центральной Азии, но именно Русский комитет был центральным координирующим органом Ассоциации (об истории русского комитета см.: [Люстерник, 1975, с. 224–232]).

⁵ Подробно о жизни и творческом пути С.М. Дудина см.: [Прищепова, 2011, с. 608–649].

гии. Действительно, краткое сообщение [Ольденбург, 1911, с. 20–31], краткий отчет [Ольденбург, 1914], три статьи самого Ольденбурга в не самых читаемых изданиях [Ольденбург, 1921, с. 25–31; Ольденбург, 1922, с. 57–66; Ольденбург, 1925, с. 41–52] и две работы С.М. Дудина [Дудин, 1916; Дудин, 1917, с. 21–92] – слишком мало для того, чтобы представить научной общественности всю значимость двух Русских Туркестанских экспедиций. Занятый спасением русской науки и культуры в переломную эпоху развития России, С.Ф. Ольденбург не успел издать экспедиционные материалы ни на родине, ни за рубежом. Попытки его вдовы Е.Г. Ольденбург и Ф.И. Щербатского опубликовать их в 1930-х – начале 1940-х гг. также оказались безуспешными [Тункина 2013(2), с. 57–58; Тункина, 2013(3)]. В дальнейшем лишь Н.В. Дьяконова издала две работы по материалам экспедиций Ольденбурга [Дьяконова, 1947, с. 445–470; Дьяконова, 1995]. Тем важнее ввести в научный оборот все, что имеет непосредственное отношение к изучению Восточного Туркестана российскими исследователями, в особенности под руководством С.Ф. Ольденбурга.

Первая экспедиция Ольденбурга в Восточный Туркестан 1909–1910 гг. состояла фактически из трех человек – руководителя С.Ф. Ольденбурга, горного инженера Д.А. Смирнова, художника и фотографа С.М. Дудина, которому были поручены работы “по художественной части и фотографии”; два других участника – археолог В.И. Каменский и “практик-раскопщик” С.П. Петренко – из-за болезни вынуждены были вернуться на родину с полпути. Экспедиция выехала из Петербурга 6 июня, через Омск и Семипалатинск добралась до Китая. В газетном интервью С.М. Дудин сообщал о тяготах пути:

“Проехав 600 верст к востоку от китайской границы до Урумчи, мы убедились, что наша экспедиция слишком поздно отправилась в эту нестерпимо жаркую страну. Сначала заболел Петренко, а потом от верховой езды по жаре поистрепались нервы у Каменского, и оба они вернулись, а мы втроем продолжали путь. Кочевники-киргизы откочевали куда-то в сторону, и мы не могли достать баранов. Пришлось питаться хлебом и рисом. Взятые про запас консервы от жары пропали. Рыба обратилась в труху, мясное погнило, и один только экстракт Либиха, обратившийся в клей, можно было употребить в дело. Хлеб доставали мы у китайцев и дунханов, в виде пшеничных лепешек, смазанных черемшей, – среднее между луком и чесноком. Вонь страшная, но понемножку мы привыкли” [Художник С.М. Дудин...].

Работа 1-й РТЭ концентрировалась вокруг трех исторических центров: Карашарский округ, Турфанский и Кучарский оазисы. 22 июня 1909 г. путешественники прибыли в Чугучак, где закупили лошадей и необходимое снаряжение. Здесь к экспедиции присоединился переводчик-*сарт* Б.Т. Хохо. 29 июня экспедиция была уже в Урумчи, а 4 августа, после краткого отдыха на даче урумчинского консула Н.Н. Кроткова, выехала через Токсун в Карашар.

“В 40 верстах к югу от Карашара нам удалось найти развалины старинного монастыря и на 4 аршина глубины засыпанных песком до 150 разных зданий: храмы, часовни, кельи. Везде большие остатки скульптуры и росписей (клеевая живопись на глине)... Фресок и скульптуры мы набрали там 12 ящиков...” – указывал С.М. Дудин в своем газетном описании экспедиционных будней [там же].

В развалинах Шикшина экспедиция работала с 29 августа по 20 сентября 1909 г., а с 29 сентября начала обследование Турфанского оазиса – Яр-Хото (Конешари), затем Учтурфана, Идикут-шари (Дакианус), Сенгим-агыза, Безеклика, Муртука, Чикан-акол, Туюк-мазара и других городищ. “По соломе, пробивающейся сквозь песок, мы догадались, что идем по крыше зданий. И действительно, произведя раскопки, нашли два огромных храма и множество маленьких. Тут пришлось немало поработать. Зато набрали росписи и скульптуры на 20 ящиков. Я делал кальки с натуры; до 20 метров вышло. Сделал более 800 больших фотографий и без счета маленьких”, – вспоминал далее С.М. Дудин [СПФ АРАН, ф. 208, оп. 1, д. 164, л. 37].

Из Караходжи 15 ноября 1909 г. С.М. Дудин и Д.А. Смирнов выехали в Россию, так как в ходе экспедиции Самуил Мартынович заболел лихорадкой. Их отъезд вызвал осуждение русского консула в Урумчи Н.Н. Кроткова. "...В высшей степени важно, чтобы С.Ф. Ольденбург в этот раз возможно полнее ознакомился с театром своих будущих детальнейших исследований; необходимо, чтобы в достижении означенной цели он не задерживался разными мелкими заботами... необходимо, следовательно, чтобы около С.Ф. Ольденбурга находились люди, которые помимо фотографирования и съемки заведывали бы упаковкой и отправлением собранных экспедицией материалов, укладкой и раскладкой вещей при передвижениях экспедиции с места на место, расчетами с возчиками и нанятыми для сопровождения экспедиции людьми, закупкой провизии, сбором второстепенных сведений и тому подобным, – писал Н.Н. Кротков Ольденбургу 30 декабря 1909 г. из Урумчи. – ...Я вовсе не против поездки Вашей в Кучэ; я лишь против поездки Вашей туда в единственном числе... По моему мнению, Смирнов и Дудин не должны были покидать Вас; при желании помогать Вам у них должна была найтись работа. Если же они так соскучились по своим женам, что не могли остаться еще на 2–3 месяца, то, простите, что же это за путешественники?" [СПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, д. 305, л. 26, 26об.].

С.Ф. Ольденбург, напротив, в своем донесении руководству РКИСВА из Туяк-Мазара от 14 ноября 1909 г. оправдывал своих спутников: "Холода принудили С.М. Дудина и Д.А. Смирнова вернуться в Россию, т.к. ни рисовать, ни чертить сколько-нибудь удовлетворительно нельзя. Я же решил ехать дальше на Кучу через Курлю для того, чтобы выяснить способ и размеры дальнейшей работы. Рассчитываю снять, кроме того, и ряд фресок и, может быть, произвести пробные раскопки" [СПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 60, л. 8об.].

Оставшись вместе с переводчиком Б.Т. Хохо и поваром Захари⁶, С.Ф. Ольденбург осмотрел Сыркип и Лемджинское ущелье и направился в Кучарский округ – 19 декабря он прибыл в Кучар, где остановился в доме маргеланского сартского аксакала Халь-Мухаммеда⁷ и отсюда совершил ряд поездок по окрестностям – Мин-тен-ата, Субаши, Сым-сым, Крыш (Кириш), Кызыл-карга, Кызыл, Кумтура [Ольденбург, 1914, с. 56]. 12 января 1910 г. С.Ф. Ольденбург покинул Кумтуру и через пустыню отправился в обратный путь в Санкт-Петербург [там же, с. 72]. Коллекция привезенных древних текстов, поступившая в Азиатский музей, оказалась небольшой: 20 фрагментов санскритских рукописей письмом брахми и столько же древнеуйгурских, а также 88 мусульманских рукописей [Попова, 2008(1); Воробьева-Десятовская, 2011, с. 18–19].

В ходе работ 1-й РТЭ 1909–1910 гг. выяснилось, что зарубежные экспедиции "действовали в Восточном Туркестане как экспроприаторы культурных ценностей: вывезли оттуда рукописи, скульптуру и даже целые фрески, наспех и грубо снятые со стен храмов и монастырей. Былые международные соглашения были как бы позабыты: зарубежные коллеги фактически обманули С.Ф. Ольденбурга и не оставили ему ни одного нетронутого памятника" [Воробьева-Десятовская, 2011, с. 18]. Беспокойство за судьбу древностей в Восточном Туркестане С.Ф. Ольденбург выразил на заседании Русского комитета 8 февраля 1914 г. По его предложению была составлена комиссия для выработки обращения к исследователям Центральной Азии с целью обратить их вни-

⁶ Сам он в письме к С.Ф. Ольденбургу подписывался так: "Киргиз Семипалатинской области Зайсанского уезда Богазовской волости № 8 аула Сахарий Маймеров" [СПФ АРАН, ф. 208, оп. 1, д. 165, л. 18–18об.].

⁷ По ходатайству председателя РКИСВА акад. В.В. Радлова император Николай II 24 октября 1908 г. пожаловал серебряную медаль «с надписью "за усердие" для ношения на шею на Станиславской ленте» Халь-Мухаммеду Рахмету Уллаеву за "неоднократно оказанные им услуги нашим научным экспедициям в Западном Китае". Товарищ министра иностранных дел Н.В. Чарыков 17 ноября 1908 г. сообщил В.В. Радлову, что по представлению управляющего МИД А.П. Извольского приказом туркестанского генерал-губернатора П.И. Мищенко "наш торговый старшина в гор. Кучаре русско-подданный Халь-Мухаммед Рахмет Уллаев награжден почетным халатом первой степени" [СПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 51, л. 111, 114–114об.].

мание на недопустимость потребительского отношения к изучаемому ареалу. Особое негодование Ольденбурга вызвали методы и результаты работ экспедиций А. Лекока и А. Стейна [Скачков, 1993, с. 314, 316].

Готовясь ко второй экспедиции, С.Ф. Ольденбург выбрал основной памятник для исследований – пещеры Могаоку – “Пещеры тысячи Будд” (кит. Цяньфодун; в дневниках С.М. Дудина – Чанфудун). Этот монастырь расположен в уезде Дуньхуан (провинция Ганьсу). Цель экспедиции, как писал Ольденбург 2 мая 1915 г., состояла в том, чтобы “найти твердую основу для хронологического определения памятников буддийского искусства в Китае и Китайском Туркестане и собрать достаточный материал для характеристики различных стилей этого искусства” [СПФ АРАН, ф. 208, оп. 1, д. 188, л. 9]. Для проведения работ 2-й РТЭ помимо С.Ф. Ольденбурга и С.М. Дудина были приглашены горный инженер Н.А. Смирнов – брат Д.А. Смирнова, участвовавшего в 1-й РТЭ, художник-реставратор В.С. Биркенберг и художник-этнограф Б.Ф. Ромберг. В работах участвовал и вспомогательный персонал – “7 казаков, переводчик-отунчи и хлебопек”. Экспедиция покинула Санкт-Петербург 20 мая 1914 г., 13 июня оказалась в Чугучаке, откуда выехала 17 июня, а 10 июля прибыла в Урумчи; 12 июля выехала в Гучэн, 4 августа прибыла в Хами, а 18 августа – в Дуньхуан.

Основным достижением экспедиции явилось открытие трех пещер в дополнение к тем, что были обнаружены и описаны французской экспедицией Поля Пельо в 1908 г. Важность этого открытия объясняется и тем, что до экспедиций Пельо и Ольденбурга в Дуньхуане работал целый ряд экспедиций: дважды английская под руководством А. Стейна (1907, 1914 гг.), китайская (1910 г.) и японская (1912 г.). В отличие от западноевропейских коллег новых фресок российские исследователи сами не срезали, а лишь описывали их, фиксировали фасады и планы пещер в масштабе 25 саженей в дюйме, сделали свыше 200 копий орнаментов (частью в красках) на кальке и бумаге, изготовили около 1300 фотографий размерами от 18 × 24 и 24 × 30 и 300 снимков “полископом” [СПФ АРАН, ф. 208, оп. 1, д. 188, л. 10]. 1 ноября экспедиция разделилась: С.М. Дудин, В.С. Биркенберг и Н.А. Смирнов покинули Дуньхуан и 6 ноября прибыли в Хами, откуда через Урумчи отправились в Россию. С.Ф. Ольденбург и Б.Ф. Ромберг остались для продолжения исследований и упаковки собранных материалов, живя в одной из пещер монастыря Могаоку. Работы продолжались вплоть до 28 января 1915 г.: в мире бушевала Первая мировая война, и безопасно продолжать работы в зоне сильнейшего политического напряжения на фоне слухов о вступлении Китая в войну не представлялось возможным. С.Ф. Ольденбург и Б.Ф. Ромберг вернулись в Петроград 23 апреля 1915 г., но экспедиционные материалы попали в столицу из Омска лишь в конце лета [Скачков, 1993, с. 315; Попова, 2008(2), с. 165–168].

Экспедиция С.Ф. Ольденбурга пополнила фонд Азиатского музея Петербургской АН почти четырьмя сотнями китайских, тибетских, согдийских, уйгурских рукописей и ксилографов. Эти рукописи в большинстве своем были выкуплены у местного населения или собраны в бытовом мусоре в пещерах. Памятники китайской письменности, доставленные С.Ф. Ольденбургом в Россию, были фактически спасены от быстрого уничтожения. Экспедиция передала на хранение в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Петербургской АН памятники изобразительного и прикладного искусства: “2 льва, свыше 20 статуэток и голов, отрывки образов на холсте и шелке”, несколько фрагментов фресок, однако их брали только в том случае, если они уже были отломаны и им угрожало быстрое разрушение. В 1930–1934 гг. по настоянию самого С.Ф. Ольденбурга эти древности были переданы в Государственный Эрмитаж.

Ценность работ 2-й РТЭ Ольденбурга состоит и в том, что описание пещер, выполненное ее участниками, значительно полнее и точнее, чем все предыдущие и последующие. Кроме того, экспедиции, работавшие в Дуньхуане после Второй мировой войны, нашли пещеры в еще более обезображенном состоянии: американская экспедиция 1923 г. вывезла фрески из семи пещер! Воздействие климата и строительные работы также оказали серьезное разрушительное влияние на состояние памятников.

* * *

Важным источником по истории изучения Восточного Туркестана русскими учеными являются письма С.М. Дудина С.Ф. Ольденбургу, хранящиеся в СПФ АРАН [СПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, д. 200, л. 1–25]. Эти письма представляют существенный интерес, так как относятся к одному из наиболее значительных предприятий отечественной исторической науки за всю ее историю. Они живописуют картины подготовки экспедиции, забот, которые вставали перед ее участниками, в том числе и перед С.Ф. Ольденбургом, трудностей, которые приходилось преодолевать российским ученым. Эти письма уточняют хронологию работ и маршрут экспедиций. Читая их, иногда трудно поверить в то, что научная экспедиция, работавшая под началом ведущего – и в научном, и в административном смысле – российского востоковеда, была вынуждена вести свою деятельность в столь стесненных условиях. Несмотря на, казалось бы, достаточное финансирование – бюджет экспедиции составлял 23 982 руб. [Попова 2008(2), с. 165], – ее участникам не хватало самого необходимого: лошадей, теплой одежды, денег (вплоть до того, что приходилось одалживаться), рабочих. Не хватало фотобумаги для печати материалов. Не хватало всего, кроме любви к своему делу и профессионализма.

Почерк С.М. Дудина труден для прочтения. Иногда буквы сливаются в одну волнистую линию, слова в которой к тому же часто сокращены. Отдельные аббревиатуры (“некоторый”, “который”) Дудин обозначал надстрочными знаками, взятыми из средневековой рукописной традиции. Знаки препинания в письмах присутствуют не всегда – как правило, они опущены или расставлены бессистемным образом, что делает иногда затруднительным реконструкцию смысла предложения. Так, русский консул в Урумчи Н.Н. Кротков жаловался С.Ф. Ольденбургу: “Как жаль, что он [С.М. Дудин. – *И.Т.*] пишет так иероглифически! В интересном письме его об осмотре курганов около ст. Чай-во-пу (Са-ё-пу) для меня до сих пор остаются темные места. А о записанных им лекциях Ваших об искусстве Индии нечего и говорить: над разбором записей этих трудимся всей семьей, но, к сожалению, не всегда удачно” [СПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, д. 305, л. 9об.]⁸.

Собрание писем Дудина к Ольденбургу сохранилось не полностью; многие дошедшие до нашего времени письма окрасились из-за подмочек в ходе катастрофического наводнения в Ленинграде в 1924 г. [Тункина 2013(1), с. 39; Тункина, 2013(3); Tunkina, 2014]. Листы 6 и 6об. явно относятся к разным письмам. Лист 16 не продолжает лист 15об. Листы 19–19об. и 20–20об. повреждены, и некоторые фрагменты письма не читаются. Лист 23 слегка смят, и несколько строк на нем также читаются нечетко.

Знаком “?” обозначены сомнительные чтения, “???” – непрочитанные фрагменты. Сокращенные в оригинале слова дописываются в квадратных скобках. Необходимые по смыслу слова также даются в квадратных скобках.

Недатированные письма датируются по содержанию и в публикации помещены в хронологическом порядке.

№ 1 (Л. 1–2)

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Я охотно бы проехал на дачу к Никол[аю] Николаевичу¹, даже несмотря на то, что не закончил еще укладки вещей (осталось немного), т.к. я не торопился этим делом и день целый посвятил снимкам в г. Урумчи, чтобы установить себе выдержки для объективов для различ[ных] тем. Но меня пугает перспектива тащить на коне в коржунах² кровать, чемодан, бурку, постель и ящик с креслами. Это слишком громоздко. Кроме того, и наши наряды (собств[енно] Босук³ главн[ым] обр[азом] и Сахари³) боятся оста-

⁸ Письмо от 9 сентября 1909 г. из Урумчи.

ваться одни из-за вещей. Поэтому я предпочитаю остаться здесь и поджидать Вашего возвращения.

Я навожу справки об арбах. Ни китайцы, ни сарты не соглашаются идти скорее, чем в 12 дней до Карашара (по 1 станции в день). Цена, по-видимому, около 30 р., не дороже. Об Ахмеджане⁵ также узнал, что он “мало мало” говорит по-русски. Бойкий парень, бывалый и расторопный, но он дешевле, чем за 45–50 руб. не поедет. Цена, конечно, неподходящая. Придется взять кого-нибудь другого, лишь бы был не такой дурак как Байсымбаи⁶. Босук, оказывается, умеет немножко столярить и недурно. Он также охотник, и ружье⁷ я и В[ладимир] И[ванович]⁸ позволили оставить, чтобы при случае он мог охотиться. Желаю здоровья. Поклон Дм[итрию] Арс[еньевичу]⁷.

Преданный Вам

С. Дудин.

24/VII 909

г. Урумчи

№ 2 (Л. 3–4об.)

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Вопрос о нашем отъезде из Урумчи осложнился целым рядом совершенно непредвиденных обстоятельств, и мы выезжаем поэтому только завтра (24 ноября), т.к. на улаживание их ушло более 3^х дней. Мы купили за 22 лана у д[окто]ра¹⁰ русскую телегу, перекрыли ее, переменили ось, у д[окто]ра же взяли и русскую упряжь с тем, что приехали ее обратно из Чугучака¹¹ отремонтированной. Другую телегу русскую же с одной лошадей наняли у киргиза возчика из Семипалат[инска]. Другую лошадь в эту телегу он купил у нас за 20 лан. Для первой телеги лошадей мы наняли у Мотуля¹², привезшего нас сюда. Завладевши лошадей, мы оставили другую из наших лошадей. От мысли взять еще тройку или пару заводских лошадей пришлось отказаться отчасти п[отому], что найти их очень трудно, отчасти из-за дороговизны, т.к. мы и так принуждены были выйти из предполагаемой цены за проезд до Чугучака. Нам приходится платить за 4 лошади 140 лан!

Наши лошади вернулись к нам по той причине, что командир взвода нашел их неудовлетворяющими условиям. По этому поводу Николай Николаевич¹³ снесется с командиром части и напишет Вам сам, о том, как пройдет дальнейшее уложение этого неприятного обстоятельства. Придется, конечно, внести сумму на покупку лошадей здесь, на месте¹⁴.

Ящики с фреск[ами] из Шикшина дошли в полной исправности. Насчет их дальнейшего провоза мы с Ник[олаем] Ник[олаевичем] порешили – подождать подвоза остальных ящиков и отправить весь караван целиком. По приблизительному расчету доставка их всех будет стоить отсюда около 360 лан до Чугучака (6 арб по 60 лан арба при спорой доставке или несколько меньше при обычной). Эту сумму я и перешлю Н[иколаю] Н[иколаевичу] из Чугучака. Почтовые посылки, привезенн[ые] нами, пойдут с ближайшей тяжелой почтой все сразу. К[араван] отправляется через неделю.

Едем мы без казаков, т.к. одного Романова¹⁵ не отпускают, а брать двух – значило бы удорожать наш проезд и без того несколько дорогой. Мы думаем, что услуг Байсымбаи¹⁶ и возчиков будет совершенно достаточно. Дох мы здесь не нашли. Вместо них мы купили за 10 лан пару вонючих, правда, но теплых сартовских шуб и в них надемся добраться до Чугучака, а то и дальше, если в Чугучаке не нападем на что-нибудь более приличное. Приобрели мы и печку с трубами для отопления саней, достали и пилы, не такие, какие хотелось бы, но и не плохие. Если погода продержится такая, как сейчас здесь, т.е. сухая и, сравнительно, теплая, мы доедем дней в 12–13.

Навел я справки относительно времени, необходимого на доставку транспорта в С[анкт-]П[етербург]. Его определяют приблизительно в 4 месяца (около 3-х м[есяц]ев

до Омска и несколько более месяца от Омска). Т[аким] о[бразом], ждать в С[анкт-]П[етер]бурге транспорт можно около половины или в конце апреля. Это обстоятельство заставило Дм[итрия] Арс[еньевича]¹⁷ думать, что в его работе может произойти нежелательный для него перерыв, т.к. те эскизы и планы, к[отор]ые едут с ним, он надеется окончить раньше, чем в 4 м[еся]ца; также эскизы, к[отор]ые заложены в ящики с фресками, придется заканчивать после. К моему большому сожалению, я не решился разбивать один из ящиков, чтобы достать часть эскизов, не желая рисковать поломкой фресок, вполне возможной при отсутствии необходимых инструментов, тем более, что другая часть эскизов не находится даже здесь, а заложена в один из турфанских ящиков. Дм[итрий] Арс[еньевич] находит, что это обстоятельство может усложнить вопрос об оплате его работы и просит меня сообщить Вам об этом. Это, конечно, вполне справедливо, особенно в том случае, если по окончании эскизов и планов, имеющихся у него, значительно ранее получения транспорта, он займется другой работой. Чтобы хоть сколько-нибудь [в] срок доставили транспорта, я просил и Ник[олая] Николаевича ускорить его отправки и сделаю тоже в конторе бр[атъев] Каменских¹⁸. Наконец, если это возможно, передам это дело и Василию Васильевичу¹⁹, к[отор]ый, конечно, сделает все возможное для того, чтобы наш транспорт проследовал в сокращенный срок из Омска по ж[елез-ной] д[ороге]. Николай Николаевич сделал и еще несколько приобретений. Между ними любопытны 3 головки из храма с круглой чайт[ей]²⁰ в правобережном монастыре в Тулюк-Мазаре (это определение наше. Ник[олаю] Ник[олаевичу] он доставлен без указания места). Одна из них не лишена даже художественности²¹, и по типу, и по лепке похожа на док[итай]ские головки из Турфана в книжке Грюнведеля²². Куда назначает их Н[иколай] Ник[олаевич] – он не говорил. Он получил уже благодарность из Акад[емии] наук. Но, по-видимому, несколько недоволен ее формой и думает, что Василий Васильевич обставил это дело не совсем так, как того хотелось бы ему²³. Не зная текста этой бумаги, я, конечно, ничего более не могу прибавить к моему сообщению.

О здешних настроениях писать не буду. Вам, вероятно, напишет о них Николай Николаевич. Борис Васильевич Долбежев²⁴ просит передать Вам его привет и пожелания всего хорошего. Передайте, пожалуйста, мой поклон Босуку Темировичу²⁵. От души желаю Вам всего хорошего.

С совершенным почтением,

С. Дудин

г. Урумчи 23 ноября 1909 г.

№ 3 (Л. 5–6об.)

Чугучак, 7 дек[абря] 1909 г.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Из Урумчи мы выехали не 24, а 25, так как телега д[окто]ра²⁶ поломалась при выезде, и ее надо было чинить. Этот казус задержал бы нас, вероятно, еще на день, а то и два, но нас выручил случай. Нашелся обратный арбанин с тараштанкой²⁷, к[ото]рый согласился везти нас за 50 лан. Задаток, данный Мотуле, пропал, но его до нек[отор]ой степени покрыла разница в цене. Т[аким] о[бразом], мы доехали до Чугучака в двух тараштанках. До Шихо нас донимали несколько морозы, после Шихо – погода все время стояла тихая и теплая, – мороз не превышал $-3-5^{\circ}$; везли возчики хорошо и доставили нас в срок, т.е. в 12 дней. Много муки претерпели мы от ночевки в дянях²⁸. Дым, грязь и холод их делают зимний переход и тяжелым, и мучительным, и мы очень советуем Вам не ехать обратно этим путем ни в каком случае. Совет этот является необходимым на тот случай, если бы Вы приняли совет Ник[олая] Ник[олаевича]²⁹ ехать именно этим путем. Не проделав его, мы сами думали, что этот путь будет удобнее, но теперь мы резко переменили наше настроение. В Чугучаке мы посетили Корн[илия] Вас[ильевича]³⁰, Ал[екс[андра] Павловича³¹ и т[ому] под[обных]. Все они просят передать Вам их привет и пожелания скорейшего и успешного окончания Ваших работ. В банке я взял 1800 р[ублей], из них 400 рублей я

передал Дмитрию Арсеньевичу (350 р[ублей] + 50 вперед под работу окончания эскизов и планов). 500 рублей я положил на текущий счет Н.Н. Кроткова согласно его просьбе. В эту сумму вошли: 60 р[ублей], взятые нами у него на случай, если после Чугучака у нас не станут брать китайских денег, и 440 р[ублей] на уплату возчиками из Урумчи до Чугучака нашего транспорта. Доставка его будет стоить, вероятно, несколько дешевле, т.к. теперь цены колеблются от 70 коп[еек] до 1 руб[ля] и несколько более с пуда, но я счел нужным прибавить нек[ото]рую сумму на случай присылки Вами клади из Кучи.

Алекс[???] Павлович сделает все возможное, чтобы наша кладь не задержалась ни здесь, ни в дороге до Омска. Он думает, что на путь до Омска отсюда потребуется около месяца, да столько же времени на доставку ее сюда. Что же касается до отправки по железной дороге, то для избежания недоразумений Ал[екс[???]] Павл[ович] просил известить контору Каменских в Омске из С[анкт-]П[етер]бурга о порядке сдачи по удешевл[енному] тарифу. Это будет мной сделано по приезду в С[анкт-]П[етер]бург через Музей антроп[ологии] и этногр[афии]. Все оплаты могут быть сделаны по получении клади в С[анкт-]П[етер]бурге, и такой порядок наиболее удобен. Кладь я просил застраховать в сумму 10 000 р[ублей].

Ввиду того, что одна из лошадей наших возчиков подбилась и была оставлена нами на ст[анции] Толу, при ней мы должны были оставить и Байсымбаю с тем, что он приедет на ней в Чугучак, когда она оправится. Причитающиеся ему деньги я оставил Корнилию Васильевичу, к[ото]рый и передаст их Байсымбаю. Наградных ему мы решили не давать, т.к. в дороге он вел себя самым nepoзвoлитeльн[ым] образом, прибавив к глупости еще и недобросовестность.

В письме из Урумчи я писал Вам³², что Ник[олай] Ник[олаевич]³³ недоволен той формой благодарности, к[ото]рую ему выразила Академия наук за сделанный им дар³⁴. После того, как письмо Вам было сдано, я видел этот документ. Из слов Ник[олая] Ник[олаевича] я понял, что он ждал чего-то другого и склонен смотреть на него как на предварительное т[во]ему вознаграждение за сделанный дар. Передавая Вам это настроение Николая Николаевича, я боюсь, что выражаюсь несколько грубо, но суть дела я передаю верно и передаю не как сплетню, а согласно ясно выраженному желанию самого Ник[олая] Ник[олаевича] поставить Вас в известность на этот счет, т.к. самому ему сделать это было бы неловко.

Здесь все по-старому. О Вас справлялись все, кого вы знаете, очень интересовались результатами поездки, и наши рассказы о них произвели по-видимому хорошее впечатление. Мы, конечно, не преувеличивали их.

Отсюда мы выезжаем завтра, т.е. 8го дек[абря]. Погода стоит ясная, морозная, но мороз слабый. Дох здесь нет, но надеемся до известной степени заменить и нашими одеялами. Относительно проход[ного] экипажа до Семипалатинска здесь ничего мы узнать не могли; но вероятно в Бахты этот вопрос разрешится в хорошую сторону. Что же касается пути от Омска, то Ал[екс[???]] Павл[ович] был так любезен, что протелеграфировал просьбу доставить экипаж Петру Ивановичу (дов[еренному] бр[ат]ьев) Каменск[их]) и надеется, что он достанет.

Нас все расспрашивали о Влад[имире] Ив[ановиче]³⁵ и наши объяснения причин его отъезда – совпали с теми – к[ото]рые назвал он здесь сам. Его нашли сильно изменивш[имся], похудевшим и т.д. Петренко³⁶ же плакал как ребенок, ступив на русскую почву. Уехал отсюда он значительно окрепшим и поправившимся, но все время не переставал жалеть о том, что ему пришлось нас бросить.

Благодарность Вашу г[осподи]ну Гаврильцеву мы передали. От души желаю Вам всего-всего хорошего – здоровья, удачи в работе. Мой привет передайте Босуку Темировичу и Сакари. Их обоих мы часто вспоминаем, возвращаясь к теперь отошедшим в прошлое Турфану, Шикшину, Яру и Туску. Еще раз – всего хорошего! С совершенным почтением,

С. Дудин

№ 4 (Л. 7–10об.)

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Доехали мы до своих мест вполне благополучно. Немножко было холодно, пока мы добрались до Семипалатинска. В Семипалатинске же мы запаслись дохами и до Омска ехали в хороших условиях и без всяких приключений, если не считать того обстоятельства, что у Дмитр[ия] Арсен[ьевича] срезали ремни с вязок, а у меня кроме ремней утащили и плед, п[отому] ч[то] он был в вязке. Случилось это на «дружках», на к[ото]рых мы должны были ехать, т.к. почтовые от Семипалат[инска] в Омск всегда в разгоне, и достать их почти невозможно.

По приезде я посетил Вас[илия] Васильевича³⁷ и музей³⁸. В Музее пересмотрел посылки, посл[анные] из Урумчи. Посылки с рукописями вскрыты, как то и было условлено, и переданы частью Василию Васильевичу, частью Карлу Германовичу³⁹. Посылка с клочками рукописей вскрыта также, но оставлена без разборки. Ее разбираю я сам и по разборке сдам в комитет⁴⁰. Фрески доехали благополучно, но оставлены мной в ящиках и забыты. Негативы – печатаю. Негативы, отправл[енные] из Урумчи почтой, пока еще не получены. Ожидаю на днях и тот час же приступлю к печати. Каталог фотографий по тому типу, о каком мы говорили с Вами, составляю. Я очень жалею теперь, что не скопировал для себя планов (всех) Дмитр[ия] Арс[еньевича]. Они мне теперь очень нужны. Признаться, я думал, что они будут здесь, и потому на месте копировал только то, что мне нужно было для подробностей. Для Каталога же, чтобы не вносить путаницы в обозначения, нужны все планы. Поэтому я пишу Дм[итрию] Арс[еньевичу] и прошу его выслать мне кроки ^{недостающих}⁴¹ (на кальке) вроде тех, какие делал я, даже более небрежные. Получив их, я быстро справлюсь с Каталогом и к Вашему приезду буду свободен для других работ.

Наброски, к[отор]ые я делал в моих тетрадах, я думаю перерисовать на листы и кое-что в этом направлении уже делаю. Размеры листов и формат я беру тот, к[отор]ый принят Ник[олаем] Ивановичем⁴² для Архитектурн[ых] рисунк[ов] Средней Азии⁴³. Бумага та же.

Для разборки коллекции и приведения в порядок фресок можно будет, по-видимому, воспользоваться третьим этажом музея. Дело в том, что начать выставление в нем вряд ли можно будет раньше сентября месяца, т.к. стены еще очень сыры для того, чтобы можно было рискнуть выставлять коллекции раньше этого времени.

Вас[илий] Вас[ильевич] для фресок отводит часть зала, выходящ[его] окнами на улицу, и весь верх стены его против света. А также лестницы. Очень восхищаться таким местом нельзя, но лучше трудно найти, да и неловко разрывать собрание, не связав его с уже выставленными предметами Березовского⁴⁴ и Клеменца⁴⁵.

Залы нового этажа хороши, удобны, светлы. Фотографическая комната несколько тесна, и свет плоховат, но все-таки она есть и работать в ней можно. В музее все по-старому. Новинка только одна. С 8 янв[аря] Адлер⁴⁶ начал работать в Музее Александра III (но служит он с 1го янв[аря]). Он занял ампула Дмитрия Александровича⁴⁷ (инородцы Сибири). Пост заведующего передан Н.М. Могилянскому⁴⁸. Дм[итрий] Александрович здесь в Петербурге, кажется, недавно. Граф Дмитрий Иванович⁴⁹, кажется, оставляет пост товарища августейшего президента Музея Ал[ександра III] по отделу этнографии. Он назначен директором Эрмитажа. Место товарища и Адлер, и Могилянский хотели бы, чтобы занял Василий Васильевич⁵⁰. Состоится ли это – не знаю. Я боюсь разбираться с этой путанице[й], т.к. с обеих сторон наслушался самых противоположных вещей.

На днях видел А.И. Иванова⁵¹. Он собирается ехать в Китайский Туркестан с женой, хотя ему и улыбается также поездка в Термез, куда поедет, кажется, барон Шталь⁵² и Бартольд⁵³. Василию Васильевичу я рассказал подробно о наших работах и их результатах и, по-видимому, произвел хорошее впечатление. Относительно оставления в

стороне от маршрута Бешбалыка и развалин у Чучени я объяснил ему их состояние, каким представлял его себе на основании осмотра Улан-бая, описал его размеры и состояние так, как они описаны в записке Долбежева.

С Михаилом Михайловичем⁵⁴ случилось несчастье. С ним был удар – ра[з]било всю правую половину тела, он лишился языка. В таком состоянии его нашли в его квартире в Лихачевке. Комитет озаботили выдать ему пособие в размере 300 рублей и поместить в больницу Свято-Троицкой общины (на 2-й Рождественской⁵⁵). Я был у него вскоре по приезде (28 дек[абря]). Болезнь его уже проходит. К нему вернулась речь, хоть и не совсем еще, нек[ото]рых слов он не произносит, плохо вяжет фразы. Левая половина у него потеряла слабость и совершенно здорова, но правая рука пока висит безжизненно. Есть, однако, большая надежда, что и это пройдет бесследно. Вид у него бодрый и даже веселый. На днях я собираюсь к нему снова. Брата его⁵⁶ не видел.

Меня много расспрашивают о времени Вашего возвращения. Я всем называю конец марта, как Вы сами указывали.

От души желаю Вам всего хорошего. С почтением,
С. Дудин.

С[анкт-]П[етер]б[ург], 10 янв[аря] [1]910 г.

В[асильевский] [О]. 6 л[иния] 51/16, к[вартира] 4.

P.S. Чуть на забыл было написать о Владимире Ивановиче⁵⁷. Я видел его у себя. Он после поездки в Крым оправился и выглядит бодрым и крепким. Не писал он нам, п[отому] что был разбит после поездки и спешил на Зайсан. Мотивы возвращения здесь он называл те же, что и Вам в Урумчи и Чугучаке, т.е. нервы, боязнь, что не возвратится и т.п. У Зайсана он делал раскопки, но попал на дюну и не вырыл ничего. В наст[оящее] время он взял на себя археологич[еский] отдел Музея⁵⁸ и подготавливает его к выставке в новом помещении. О Петренке⁵⁹ никаких сведений здесь нет.

С. Д[удин].

№ 5 (Л. 11)

Многоуважаемый Сергей Федорович,

посылаю образ и бумаги, к[ото]рые были Вами отправлены по почте из СENGИМА. Другие мелкие вещи (черепки и т.п.) я приобщу к остальным вещам при разборке.

Если Вы найдете необходимым образ разглядить, то поставьте непременно условием разглаживание не очень горячим (утюг должен лишь слегка пищать) и отнюдь не по правой стороне, а по изнанке через материю или бумагу. При глажении горячим утюгом шелк может ползть за утюгом.

С почтением,
С. Дудин
17/VI. [1]910 г.

№ 6 (Л. 12–13об.)

Многоуважаемый Сергей Федорович,

мы приобрели три фургона, причем заплатили только за два, т.к. боялись, что денег у нас будет немного, и на первое время в Чугучаке мы не сможем обойтись. Чайники (2 шт[уки] по $\frac{3}{4}$ ведра каждый), кастрюли (2 штуки того же размера) мы также приобрели. Набор сбруи для 3х фургонов купили также. Чемоданы, ящики и т.п. мы запаковали в кошмы. Брензенты не взяли из палаток, т.к. специальные брензенты отправлены почтой в Чугучак.

Для Вашего фургона, к[ото]рый Вы найдете у Петра Ивановича (доверен[ный] бр[атъев] Каменск[их]) советуем добыть брензент из палатки. Палатки для удобства укладки необходимо разобрать. Рогожи не бросайте, а употребите как покровочный и укупорочный материал. Чемоданы (багажные) прикажите обернуть в кошмы (серая по

1 р[ублю] 20–30 коп[еек] арш[ин]). Для б[агажного] чемод[ана] надо купить 3^харшинной кошмы 7 аршин и разрезать ее пополам по длине. На постилку в тарантас купите белую легкую кошемку (2 р[убля] – 2 р[убля] 20 коп[еек]).

Все привезенное нами с собой и приобретен[ное] здесь мы увозим с собой. Чтобы не терять Вам времени, я попрошу доверен[ного] кошмы приобрести и иметь и для Вас наготове.

Конвертов для пластинок⁶⁰ я сознательно не покупал, т.е. это и дорого, и менее удобно, чем прокладка простой и годной писчей бумагой, к[ото]рую я найду, разумеется в Чугучаке.

Все остальные поручения в телеграмме будут исполнены.

С почтением,

С. Дудин.

Виктор Серг[еевич]⁶¹ и я просим передать наш сердечный привет спутникам.

С. Дуд[ин]

17 июня 1914 г.

г. Семипалатинск

№ 7 (Л. 25)

[не позднее мая 1914 г.]⁶²

(на бланке)

Académie Impériale des Sciences

Musée d'Antropologie et d'Etnographie Pierre le Grand

№

St. Petersburg, ...191.....

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Будьте добры отобрать из прилагаемых негативов и предметов, Вами указанных для отчета, те, к[ото]рые надо послать Дрессеру (?). Я тотчас же их отошлю ему.

С почтением,

С. Дудин.

14/III [1914].

№ 8 (Л. 14–15об.)

Хами⁶³ 4/X [1]914

Многоуважаемый Сергей Федорович,

В Хами мы прибыли 3 ноября, пробыв в дороге не 8 дней, а 10. Причина такого медленного передвижения – плохое состояние лошадей. После первых же переходов две лошади пришлось тащить за собой как балласт, а двух еще запрягать лишь изредка. Только усиленное кормление позволило нам сносно доехать сюда и позволит, вероятно, хотя и медленно, доехать до Урумчи. Ошибки были сделаны, как оказывается, еще в переднем пути: лошади кормились плохо, слишком большое значение придавали камышу, а арпы⁶⁴ давали мало, что и послужило причиной того, что лошади выбились из сил и еле дошли до Чанфудуна⁶⁵. Поправка лошадей на подножном корму также ни к чему не повела и не могла повести, т.к. кормовым средством, и притом единственным, был камыш, т[аким] о[бразом], только при постановке в дьян лошади могли несколько поправиться, но время, к[ото]рое они провели т[аким] о[бразом], было слишком мало, чтобы дать удовлетворительные результаты. Здесь мы бросаем двух выбившихся из сил лошадей и далее едем на 13.

При отъезде благодаря маленькой оплошности в счет наших расходов в переднем пути, а именно благодаря тому, что не был сосчитан тот корм, к[ото]рый мы получили от Вана⁶⁶ в подарок, и бараны и не принято в соображении повышения цен к зиме и

необходимость платы за остановки в днях – сумма в 500 лан до Урумчи оказалась недостаточной. Не хватало около 300 лан, и мы, подъезжая к Хами, были сильно озабочены вопросом, как выйти из этого положения. Но, к счастью, доверенный Чанышева⁶⁷ занял нам 250 лан с тем, что сумма эта будет нами возвращена Чанышеву по приезде в Урумчи. Т[аким] о[бразом], путь до Урумчи у нас обеспечен.

Взамен, однако, встает вопрос о средствах, необходимых на дорогу до Чугучака. Чеком (200 р.) мы покроем заем, сделанный в Хами, и т[аким] о[бразом] до Чугучака у нас нет ни копейки. Между тем, можно сказать наверняка, что следование на наших лошадях до Чугучака будет невозможно, т.к. они будут приведены в негодное состояние, да, кстати, и фургоны дальше Урумчи не протянут. Мы, правда, наложили обоймы на колеса, но это только временно исправит ту отвратительную перетяжку шин, к[ото]рая была сделана в Дуньхуане (в пути они у нас соскакивали!). Т[аким] о[бразом], из Чугучака нам придется ехать на наемных лошадях, что потребует вместе с оплатой фуража для казачьих лошадей и содержания и кормов и нас в пути около 550–600 руб. Эту сумму придется занять. Устроить заем можно, мне кажется, т[аким] о[бразом] телеграммой Чанышеву. Вы дадите знать о займе нам указанной суммы, а письмом пришлете на нее чек. Со своей стороны я извещу заказ[ым] письмом о получении мною суммы. Телеграмма Чанышевым успеет быть полученной до нашего приезда в Урумчи, т.к. в дороге мы пробудем больше двух недель. Ехали мы пока вполне благополучно. Никто из нас не хворал и не хворает. Погода почти все время стояла Чанфудунская. Дня два был холодный резкий ветер, остальные же дни были тихие, безветренные. Температура днем вполне сносная, ночами морозы около 5 и более градусов [...]⁶⁸

№ 9 (Л. 23–24об.)

[не ранее 14 ноября 1914 г.]⁶⁹

Многоуважаемый Сергей Федорович,

В Урумчи мы прибыли 14го ноября. Погода нам вполне благоприятствовала, было только два-три холодных ветренных дня. Арыки на станках до Урумчи от Чучена все почти без воды, и переправа через них была совершенно незатруднительна. Зато дороги оказались значительно более загруженными, чем в передний путь. На станках даже бедных – запасы фуража и клевера. В Урумчи в день нашего приезда выпал снег, к[ото]рый лежит и сейчас. Дни с легким морозом, тает только на солнце. Лошади наши, за исключением верховых, оказались совершенно измороженными, и дальнейшее следование на них не представлялось возможным. Ехать на своих можно было лишь при условии покупки трех или четырех лошадей, что при существующих сейчас ценах на лошадей и при условии скорой ликвидации их в Чугучаке было бы невозможным. Поэтому мы решили продать лошадей и нанять возчиков, тем более что все здешние обыватели называли цену тройки 100 р. После продажи лошадей – консулу за 180 р. 12 лошадей – оказалось, однако, что по сто рублей тройки не найти и нам пришлось нанять их по 150 р., причем мы поедem не на телегах, а на наших фургонах.

Несмотря, однако, на это повышение цен принятое нами решение все-таки обходится дешевле, чем если бы мы ехали на части своих лошадей и на прикупленных к ним. С возчиками заключено условие, засвидетельствованное г. консулом. Выезжаем мы 24 ноября.

Как я уже писал Вам, той суммы, к[ото]рую Вы выдали нам ланами и чеки на Чанышева (в 200 руб.), оказалось недостаточно. Подсчитав расходы, предстоящие нам в Чугучаке, я нашел необходимым занять у Чанышева 600 руб. (из этой суммы часть по просьбе Викт[ора] Серг[еевича]⁷⁰ и Ник[олая] Арсеньевича выдана мною им в счет их жалования, но на покупки в Урумчи). Несмотря на то, что от Вас г[осподином] Чанышевым не было получено никаких указаний, он выдал мне указанную сумму.

Я обещал ему, что сумма эта будет возвращена Вами чеком, к[ото]рый благоволите прислать Консулу, к[ото]рый и передаст его Чанышеву, получив от него обратно мою расписку для пересылки Вам.

Если по приезде в Чугучак у меня останутся деньги, то я положу их на ваш текущий счет, как мы и уславливались. Ввиду выраженного вами еще в Чанфудуне согласия на просьбы казаков обменять их лошадей на наших, я позволил Манохину⁷¹ обменять его лошадь на лошадь Никол[ая] Арс[еньевича] и Горбунову⁷² – его лошадь на мою. Обмен этот оформлен г[осподином] Михайловым и фельдшером, и акты, и опись переданы мне для явки куда следует.

Что касается лошади Михина⁷³, то здесь дело обстоит неважно. В Чугучаке лошади дороги, и их там трудно найти. Здесь пока (23го) он не нашел ничего подходящего, а если и найдет, то оформление делается невозможным, т.к. сегодня Михайлов уехал на войну с конвоем (взамен приехал новый из запасных). Цены и здесь, однако, тоже не низкие и дешевле 130–150 лошадь не найти.

Сейчас Алексей Алексеевич⁷⁴ получил телеграмму о чеке. Т[аким] о[бразом] дело устроилось вполне благополучно и удобно. Виктор Серг[еевич]⁷⁵ просит передать его привет Вам и Борис[у] Федор[овичу]⁷⁶. Мои сердечные пожелания всего хорошего прошу принять Вас и Бориса Федоровича. С почтением, С. Дудин.

P.S. Борису Федоровичу я напишу из Чугучака, т.к. сейчас нет времени.

С. Д[удин]

№ 10 (Л. 16–18)

[не ранее 8 декабря 1914 г.]⁷⁷

Многоуважаемый Сергей Федорович,

В Чугучак мы прибыли 8 дек[абря], пробыв в дороге 12½ дней. В пути все обстояло благополучно, – мост через Манас, отсутствие наледи на речках между Манасом и Сандохоза (?) и следующим пикетом и невысокая вода в Эмиле (?) позволили провезти экспедиционный багаж без подмоги и т[ому] под[обных] неприятностей. Одна из лошадей наших возчиков пала (вероятно, от переутомления и простуды), и я счел себя отчасти обязанн[ым] помочь ему в покупке лошади, т.к. помимо чувства жалости к их несчастью, я не мог не отметить самого добросовестн[ого] отношения их к принятым на себя обязательствам, чего по правде сказать, трудно ожидать было от урумчинских ямщиков (35 р[ублей]). Т[ак] к[ак] они доставили на 2½ дня ранее условленного срока, то я в виде наградных отдал им 2 фургона. Сделал я это потому, что за них при продаже нельзя было рассчитывать получить более как 30 р[ублей] за пару, а эта цифра была мной намечена как сумма награды. В Чугучаке мы остано[вились] на старой квартире. Несмотря на праздник, благодаря любезности Управл[яющего] банком и Почтмейстера мне удалось получить по чекам – моему и казаков и расположиться с последними. Расплаты сделаны полностью по тем указаниям, какие были даны Вами в Чанфудуне (за 20 дней декабря по 10 р[ублей] 60 к[опеек] я также выдал, конечно). В дороге казаки вели себя вполне хорошо, а Михин был и распорядителен, и точен. Много помог ему в пути от Хами до Урумчи Конвойный, данн[ый] Ваном – сарт, начальник шести сотен Ванской конницы. Кстати, о нем я не написал Вам в прошлом письме из Урумчи за спешкой. Благодаря ему мы легко доставали фураж, квартиры и т.п. За его услуги после совещания с Ал[ексеем] Ал[ексеевичем] Дьяковым я выдал ему 30 лан и одну из наших подбившихся лошадей.

Вчера и сегодня все почтовые посылки осмотрены, обвязаны и запечатаны, бланки сопровод[ительные] – почтов[ые] и тамож[енные] написаны и завтра утром все это будет сдано на почту. Все посылки разбиты на 4 группы, и, т[аким] о[бразом], с каждой партии будет идти в С[анкт]П[етер]б[ург] 4 посылки. В их числе пойдут и два ящика с инструментами] Ник[олая] Арс[еньевича] (Семипалатинск[ий]) теодолит мы взяли с

собой). Подсчет расходов, предстоящих нам, показал, что у нас денег хватит, но только что не боясь нехватки, поэтому тот маленький остаток, к[ото]рый может случиться, я задержу на всякий случай. Железн[ая] дорога до Семипалат[инска] еще не готова, и мы должны будем ехать на почтов[ом]. Санный путь уже установили от Чугучака до Омска. Мои спутники и я просят передать Вам и Борису Федоровичу⁷⁸ пожелания всего хорошего.

С почтением,
С. Дудин.

№ 11 (Л. 19–20об.)

[не ранее 24 декабря 1914 г.]

Многоуважаемый Сергей Федорович,

В Петроград я и Викт[ор] Серг[еевич]⁷⁹ приехали 24 дек[абря]. Ник[олай] Арс[еньевич]⁸⁰ с Вологды свернул на Ярославль и в Петроград намеревался прибыть около половины января. Переезд на почтовых мы сделали при вполне благоприятных условиях, хотя и не без задержек на перегон от Чугучака до Семипалат[инска]. Один раз здесь ямщики сбились с дороги, и мы проехали ночью около 12 часов по степи, но, к счастью, без всяких последствий для нас и для ямщиков. Путь до Омска сделали в 4 суток благодаря прекрасной дороге и хорошей “веревочке”, на к[ото]рую случайно попали. Железная дорога от Семипал[атинска] до Новониколаевска⁸¹, как нам сообщили на станции в Семипалат[инске], будет открыта на всем протяжении только с мая 1915 г., теперь же она работает на отдельн[ых] участках, обслуживая лишь свои нужды.

В Музее⁸² все по-старому. Здоровье Василия Васильевича⁸³ теперь прекрасно, и чувствует он себя значительно бодрее, чем перед нашим отъездом. Относительно лучшего сохранения негативов я уже говорил, и ящики шкафы для них решено делать. Несколько [дней] тому назад пришли посылки с нашими негативами, и вчера прибыли и недостающие три с ними же. Пришедшие раньше мной уже разобраны. Все стекла прибыли не потертыми⁸⁴ и целыми. Думаю, что и в последних посылках будет то же самое. С печатью негативов выходит задержечка. Дело в том, что благодаря войне фотогр[афические] склады сидят без бумаги. Для музея я хотел все негативы напечатать на Велонсе (?), для Вас исподволь на Гинтоне⁸⁵. Но ни той, ни другой бумаги на складах нет. Поэтому для музея я решил печатать их на Альбумине. Для Вас же заказал Иохима Гинтона. Иохим обещал выписать надобное количество, но когда получит его – он и сам не знает. – Мелкие негативы, снятые полископом, все проявлены и представляют недурную коллекцию видов и суть нашего маршрута. Часть из них я думаю увеличить (сколько найдется бумаги) [другую час]ть напечатаю [контан]том⁸⁶ (?). Диа[позитивных] стекол также нет. По-видимому, придется делать диапозит[ивы] на пластинках Парнфис (?). Каковы они – сейчас ничего не могу сказать.

Расчеты со мной, Биркенбергом и Смирновым Русск[им] комитетом сделаны. Все работы вычтены. Расчет по пути, шедший через меня, т.е. от С[анкт-]П[етер]б[урга] до Чугучака (я и Биркенб[ерг]) Чугучак и путь до Урумчи (весь состав экспед[иции]), Чанфудун – С[анкт-]П[етер]б[ург] (я, Биркенб[ерг], Смирн[ов]) на днях заканчиваю и передам со всеми (имеющ[имися] у меня, т.к. часть, как Вам известно, послана Вам в Петроград из Чугучака) оправдат[ельными] документами в пакете в Русский комитет до Вашего приезда. – О войне ничего писать не буду, т.к. Все Вы знаете из газет, а слухи так противоречивы и часто нелепы, что писать о них положительно не стоит. От души желаю Вам скорейшего закончания работ, здоровья и благополучного возвращения на Родину.

С почтением,
С. Дудин.

№ 12 (Л. 21)

[без даты]⁸⁷

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Я принес альбомы и каталог.

Фотографии недостающие заменены бумажными с NN. Подобрать последовательно каждую группу не успел, да и нельзя без разбивки каталога не по порядку, а по группам. По возвращении я это сделаю, как только закончу печатание (бумаги нет у Йохима, приходится ждать). Был в Музее в 1 час дня за паспортом, но никого не дозвонился.

С почтением,

С. Дудин.

№ 13 (Л. 22–22об.)

[без даты]⁸⁸

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Посылаю Вам телеграмму г. Гребенкина⁸⁹, т. е. Вы лучше меня сможете на нее ответить. Фотографий печатанием заканчиваю. Вероятно, дня через два или, много, три, принесу Вам все. Я взял образчики картона и посылаю их Вам. Те, к[ото]рые придутся Вам по мысли, можно будет взять листами, чтобы прикинуть фотографии, окончательно остановиться на цвете и формате.

Печатал я на детальных бумагах, главн[ым] образом. На матовых сравнительно немного, чтобы не терять подробностей.

С почтением,

С. Дудин.

КОММЕНТАРИИ

¹ Кротков Николай Николаевич (1869–1919), дипломат, востоковед-маньчжурист, коллекционер древностей; корреспондент МАЭ (1911), член-корреспондент РКИСВА (1911), действительный член РГО (1908) и РАО (1912); драгоман и секретарь русских консульств в Маньчжурии (Гирич, Цицикар), русский консул в Восточном Туркестане – в Кульдже (1897–1904) и Урумчи (Турфане) (до лета 1911), затем чиновник особых поручений при министре и агент Министерства торговли и промышленности в Софии (1914–1915). Проводил раскопки в Туюк-мазаре (Турфан) и в окрестностях Урумчи – “развалин городка в Уланбае” в 15 верстах от города. Радушно принимал 1-ю РТЭ в Урумчи и на своей даче в горах в 60 верстах от города 29 июня–4 августа (12 июля–17 августа) 1909 г. (см.: [Ольденбург, 1914, с. 1–2]).

Письма Н.Н. Кроткова С.Ф. Ольденбургу за 1908–1911 гг. пока не опубликованы [СПФ АРАН, ф. 208, оп. 3, д. 305, л. 45], но готовятся к печати М.Д. Бухариным. Значителен вклад Н.Н. Кроткова в формирование центральноазиатского фонда Азиатского музея (ныне – Институт восточных рукописей РАН); количественно он в несколько раз превышает вклад всех остальных собирателей вместе взятых, он состоит из 4073 единиц; для сравнения вклад Н.Ф. Петровского – 538, С.Ф. Ольденбурга – 50, М.М. Березовского – 31, А.А. Дьякова – 28, А.И. Кохановского – 11, С.Е. Малова – 7, П.К. Козлова – 4, В.И. Роборовского – 4, С.А. Колоколова – 3 единицы [Воробьева-Десятковская, Темкин, 1963, С. 50; Памятники индийской письменности..., 2004, С. 76–77].

² Коржун – мешок.

³ Босук Темирович Хохо, сарт, выходец из Хами, переводчик при ямыне, нанятый С.Ф. Ольденбургом в Чугучаке как переводчик 1-й РТЭ.

⁴ Повар 1-й РТЭ киргиз Сахарий Маймеров.

⁵ Местный возчик-сарт в Урумчи.

⁶ Байсымбаи (у С.Ф. Ольденбурга – Бисамбай), конюх 1-й РТЭ.

⁷ 28 апреля 1909 г. С.Ф. Ольденбург как представитель РКИСВА расписался в получении “трех револьверов и четырех ружей для вооружения себя и состоящих при нем двух служителей” в Петербургском градоначальстве [СПФ АРАН, ф. 208, оп. 1, д. 193, л. 9об.].

⁸ Каменский Владимир Иванович (ум. 1912), археолог, из купцов, “потомственный почетный гражданин”, действительный член Нижегородской ученой архивной комиссии, член-сотрудник РАО (1909). Из купцов, “почетный гражданин” Нижнего Новгорода, двоюродный брат владельцев богатейшего торгового дома “Товарищество пароходства и транспортирование грузов Федор и Григорий Братья Каменские” (основан в 1871 г.). Слушатель, затем член-сотрудник Петербургского археологического института, сотрудничал с

А.А. Спициным. В 1902–1910 гг. по открытым листам Имп. Археологической комиссии проводил раскопки неолитических и других памятников в Нижегородской, Смоленской, Олонецкой, Костромской губерниях, Семипалатинской области. С 1907 г. внештатный сотрудник Археологического отдела МАЭ, вместе с младшим этнографом Б.Ф. Адлером занимался регистрацией коллекций и подготовкой экспозиции. Включен в состав 1-й РТЭ, в пути между Чугучаком и Урумчи заболел лихорадкой и был вынужден вернуться домой. В 1910–1911 г. – исполняющий должность хранителя Отделения антропологии и археологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Петербургской АН. Сохранились его дневниковые записи о поступлениях коллекций в Археологическое отделение МАЭ и работе с ними русских и иностранных ученых за январь – начало марта 1910 г. [*СПФ АРАН*, ф. 142, оп. 1 (до 1918), д. 41, л. 13]. В 1908, 1910–1911 гг. вел раскопки в Казахстане. В октябре 1911 г. занимался регистрацией и экспонированием в МАЭ центрально-азиатской коллекции М.М. Березовского, собранной во время экспедиции в Кучу (1905–1908 гг.), и с этой целью просил помощи у Ольденбурга 18 октября 1911 г.: “В виду того, что мне поручено выставить, – и как можно скорее, – коллекцию М.М. Березовского в тех шкафах, которые я освободил для нее от среднеазиатской керамики, обращаюсь к Вам с почтительнейшей просьбой не отказать в услуге нам хранящихся у Вас вещей той же коллекции, если конечно, Вы найдете это в данное время для Вас возможным. Необходимо зарегистрировать и составить хотя бы простой список вещей коллекции М.М., чем теперь мне и приходится заниматься. Очень был бы обязан Вам за указания, в которых нуждаюсь в деле распланировки данных вещей в выставочных шкафах” [*СПФ АРАН*, ф. 208, оп. 3, д. 250, л. 5–5об.]. Скорпостижно скончался в начале 1912 г.

⁹ Смирнов Дмитрий Арсеньевич – горный инженер, участник 1-й РТЭ, в задачу которого входила съемка планов.

¹⁰ Речь идет о докторе Русского консульства в Урумчи (1906–1911) В.А. Строковском, который поддерживал научные связи с Русским географическим обществом и получал его издания. Доктор увлеклся фотографией и высылал негативы с видами Китайского Туркестана и его памятниками (включая коллекцию “видов китайских богов”) в МАЭ С.М. Дудину и С.Ф. Ольденбургу [*СПФ АРАН*, ф. 208, оп. 3, д. 567, л. 1–2об. – письмо от 4 апреля 1911 г. из Чугучака в Петербург]. В фонде Н.Н. Кроткова в Архиве востоковедов ИВР хранятся его неопубликованные работы – машинописное “Описание прямого пути от Монаса до г. Зайсана, пройденного в августе 1911 г. врачом при консульстве в Урумчи В.А. Строковским” и описание поездки к городищу Мачёцзы [*АВ ИВР*, ф. 32, оп. 1, д. 14/26].

¹¹ Чугучак (уйгур. Чечэк), городской уезд на севере Синьцзяна у южного склона хребта Тарбагатай. Основан в XVI в. уйгурскими торговцами из Кашгара. 7 октября 1864 г. в Чугучаке подписан Протокол об установлении российско-китайской границы в Центральной Азии.

¹² Возможно, русский купец, торговавший в Китайском Туркестане, у которого были наняты перевозчики-сарты для поездки из Турфана в Урумчи.

¹³ Имеется в виду консул Н.Н. Кротков.

¹⁴ Н.Н. Кротков детально описал С.Ф. Ольденбургу обстоятельства отъезда на родину участников 1-й РТЭ: “Дудин и Смирнов уехали отсюда в среду 25 ноября. Помогал им собираться, как и чем только мог. Не в осуждение им будь сказано, я думал, что оба они, особенно же Самуил Мартынович, более распорядительные и практичные люди. Сначала они решили ехать в Чугучак с теми сартами, которые привезли их сюда из Турфана. Однако денежные расчеты их с этими возчиками относительно предстоявшей поездки оказались настолько сложными и неудобными для обеих сторон, что я счел своим долгом вмешаться и посоветовал устроиться иначе. После этого дело пошло на лад. Нашлись другие возчики, более опытные, знающие дорогу и с хорошими лошадьми.

По моему совету Дудин и Смирнов захватили с собою в дорогу небольшую железную печку, которая очень и очень им пригодится на пути от Урумчи до Чугучака, в холодных и угарных китайских дьянях. Проезд отсюда в Чугучак зимою вообще очень неприятен и сопряжен с большими неудобствами. Как-то перенесут его наши художник и инженер! Они поехали на двух телегах за отсутствием здесь тарантов. Над одной телегой устроили верх и обили его кошмой. Получился очень удобный, защищающий от ветра экипаж. Дох здесь не нашлось. Тем не менее теплого платья у Смирнова и Дудина имеется в достаточном количестве.

Так как сотрудники Ваши по экспедиции выразили непреклонное желание ехать днем и ночью, чтобы добраться до Чугучака суток в 10–12, то от мысли отправить с ними Романова [конвойного казака. – *И.Т.*] или вообще кого-нибудь из казаков пришлось отказаться: казака без лошади нельзя отправить по уставу, а конный казак при езде днем и ночью служил бы только непрерывной помехой и задержкой.

Из-за Романова и Силантьева мне пришлось иметь пренебрежительное объяснение с командиром конвоя подьесаулом Путинцевым. Последний забраковал лошадей, на которых приехали названные казаки из Турфана, и категорически отказался зачислить их в число конвойных лошадей. Теперь командир настаивает на том, чтобы ему было выдано для представления в полк от экспедиции удостоверение в действительно бывшей необходимости приобрести для казаков новых лошадей, а также на том, чтобы за каждую лошадь казачью экспедиция уплатила по 75 руб. Не откажите, пожалуйста, глубокоуважаемый Сергей Федорович, выслать мне для передачи подьесаулу Путинцеву удостоверение, что лошади сопровождавших экспедицию казаков во время переездов от Урумчи в Карашар и от Карашара в Турфан пришли в такое состояние, что их в силу необходимости пришлось заменить другими лошадьми, какие оказались на месте. Что же касается платы за лошадей, то если она Вам кажется высокой, сообщите мне об этом. Я начну тогда по этому поводу переписку с полком.

Одну из забракованных командиром лошадей продали здесь, другую Смирнов и Дудин взяли с собой в дорогу” [*СПФ АРАН*, ф. 208, оп. 3, д. 305, л. 24–25об., письмо от 30 ноября 1909 г. из Урумчи].

¹⁵ Романов – один из двух казаков, сопровождавших 1-ю РТЭ (второй – Силантьев).

¹⁶ Байсымбай (или Бисамбай), конюх 1-й РТЭ.

¹⁷ Имеется в виду Д.А. Смирнов.

¹⁸ Торговый дом “Товарищество пароходства и транспортирование грузов Федор и Григорий братья Каменские” (основан в 1871 г.) занимался водными перевозками пассажиров и транспортировкой грузов, располагал пассажирскими и буксирными судами и широкой сетью контор в 30 крупных грузоперевалочных центрах Российской империи. В начале XX в. правление дома располагалось в Москве, филиалы имелись в Петербурге, Нижнем Новгороде, Риге, а конторы располагались от Либавы на западе до Акмолинска и Семипалатинска на востоке, имелись заграничные отделения в Гамбурге и Лондоне. Участник 1-й РТЭ В.И. Каменский был двоюродным братом владельца компании. Через торговую контору братьев Каменских в Семипалатинске и Чугучаке (агент А.П. Ляпунов) осуществлялись доснаряжение 1-й РТЭ и отправка собранных материалов в Петербург (см.: [Ольденбург, 1914, с. 1]).

¹⁹ Радлов Василий Васильевич (1837–1918), тюрколог, академик Петербургской АН, директор Азиатского музея (1885–1890), затем до своей смерти – директор МАЭ Петербургской АН (1894–1918), председатель РКИСВА (1903–1918). Кратко о роли В.В. Радлова в деятельности российских экспедиций в Восточном Туркестане см.: [Матвеева, Резван, 2012, с. 188].

²⁰ Чайтья – буддийский храм-молежня.

²¹ О них см., в частности: [Гумилев, 1949, с. 232–253].

²² Речь идет о кн.: [Grünwedel, 1906].

²³ Н.Н. Кротков регулярно высылал рукописи и другие древности для атрибуции в Академию наук и научные общества, однако чувствовал себя обиженным невниманием петербургских ученых и жаловался С.Ф. Ольденбургу: «Наши ученые общества не очень-то заботливо относятся ко мне, и это отбивает охоту для них что-нибудь делать. Географическое общество, например, преисправным образом высылает свои “Известия” доктору Стрковскому, но со мной поступает бесцеремонно – одну книжку вышлет, а две – нет. Восточное отделение Археологического общества не сочло нужным ответить на два моих письма; не поблагодарило даже за посланный ему мной отпечаток с найденного в Муртуке камня. Я вполне убежден в том, что В.В. Радлов, подготавливая к печати рукописи, которые я преподнес в дар Академии, и не подумает один экземпляр отпечатанного прислать мне. Такое отношение не особенно радует” [*СПФ АРАН*, ф. 208, оп. 3, д. 305, л. 27–27об., письмо от 30 декабря 1909 г. из Урумчи в Кучу].

²⁴ Долбежев Борис Васильевич (ум. 1910), дипломат, секретарь русского консульства в Урумчи, занимавшийся археологическими разведками в Китайском Туркестане. Судя по документам, он конфликтовал с консулом Н.Н. Кротковым. Доктор В.А. Стрковский сообщал С.Ф. Ольденбургу 4 апреля 1911 г.: “Не знаю, слышали ли Вы, что Б.В. Долбежев скончался прошлым летом от заражения крови, развившегося вследствие карбункула на лице, и заболел он, можно сказать, накануне своего отъезда из Урумчи” [*СПФ АРАН*, ф. 208, оп. 3, д. 567, л. 2].

²⁵ Босук Темирович Хохо, переводчик 1-й РТЭ.

²⁶ Речь идет о докторе В.А. Стрковском.

²⁷ Вероятно, примитивная повозка. Употребление таких просторечных украинизмов в речи С.М. Дудина вполне естественно из-за его происхождения и детства, проведенного на Украине. Отец С.М. Дудина был отставным квартирмейстером Казанского драгунского полка. Он, выйдя в отставку, поселился в местечке Селенастом Елисаветградского уезда Херсонской губернии, где стал сельским учителем [Прищепова, 2011, с. 611].

²⁸ Дянь – гостиница.

²⁹ Н.Н. Кротков.

³⁰ Имеется в виду К.В. Лучич – управляющий Российским консульством в Чугучаке.

³¹ А.П. Ляпунов – агент конторы братьев Каменских в Чугучаке.

³² См. предыдущее письмо.

³³ Н.Н. Кротков.

³⁴ В письме к Ольденбургу от 1 марта 1910 г. Н.Н. Кротков сообщал: “Все, что говорил Вам лично в Урумчи относительно своего желания работать для нашей Академии наук, помню и подтверждаю. Для того, чтобы окончательно устранить возможность подозрений в конкуренции, отныне все древности, полученные мною, я буду направлять Вам и в полное Ваше распоряжение. Если Этнографический музей [МАЭ ПАН] удостоит избрать меня своим корреспондентом, это будет для меня очень большой честью. Тогда, замечу здесь, легко решится и вопрос о деньгах на покупку древностей: став в непосредственные отношения к музею, я буду приобретать древности на суммы, отпущенные им в мое распоряжение” [*СПФ АРАН*, ф. 208, оп. 3, д. 305, л. 33–33об.]. В результате Н.Н. Кротков был избран членом-корреспондентом МАЭ и РКИСВА, а дипломы об избрании получил зимой или ранней весной 1911 г., незадолго до своего окончательного отъезда из Урумчи.

³⁵ Речь идет об археологе В.И. Каменском. В письме из Сергиополя от 19 июня 1909 г. он сообщал Ольденбургу: “Доехал я благополучно, если не считать небольшой возни с правым задним колесом у телеги. Прибыл в Сергиополь в 9½ утра. Ночевал едучи в открытом тарантасе, и вследствие этого слегка простужен, но настроение бодрое. Через час или два отправляюсь в Чугучак” [*СПФ АРАН*, ф. 208, оп. 3, д. 250, л. 1].

³⁶ Самсон Петрович Петренко – археолог, “практик-раскопщик”, сотрудник Керченского музея, приглашенный для помощи в проведении раскопок В.И. Каменскому. Между Чугучаком и Урумчи оба заболели лихорадкой и были вынуждены вернуться в Россию, так и не приняв участие в 1-й РТЭ [Ольденбург, 1914, с. 1].

³⁷ Имеется в виду В.В. Радлов.

³⁸ Речь идет о Музее антропологии и этнографии, директором которого с 1894 г. до своей кончины в 1918 г. был В.В. Радлов.

³⁹ Залеман Карл Германович (1849–1916), востоковед-тюрколог, арабист, санскритолог; магистр арабской словесности (1875); адъюнкт по литературе и истории азиатских народов (1886), экстраординарный (1889), ординарный (1895) академик ПАН; действительный член РАО (1882). Директор Азиатского музея (1890–1916) и 2-го Отделения Библиотеки АН (1890–1916).

⁴⁰ Имеется в виду Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении, с 1903 г. руководящий координирующий орган в организации экспедиций в Центральную Азию и на Дальний Восток. О его целях см.: [Ольденбург 1903, с. 45].

⁴¹ Написано над строкой.

⁴² Веселовский Николай Иванович (1848–1918), историк-востоковед, археолог, тюрколог, специалист по истории Крыма, Кавказа, Золотой Орды, Средней Азии, Персии, Китая; магистр истории Востока (1877); чл.-корр. ПАН (1914); чл.-корр. (1886), старший член (1895) Имп. Археологической комиссии; чл.-сопр. (1881), действительный член (1889), управляющий Восточным отделением (1908–1918) РАО. Заслуженный ординарный профессор (1903–1918) кафедры истории Востока ФВЯ ПУ; профессор первобытной археологии в Петербургском археологическом институте (1891–1918). Командировался Археологической комиссией для исследования разновременных памятников (от энеолита до средневековья) и производства раскопок в Туркестане (1884–1885, городище Афрасиаб в Самарканде); организовал две экспедиции в Самарканд (1895–1896, 1898–1899).

⁴³ По замыслу С.М. Дудина, альбом собранных им за 7 лет (35 месяцев) экспедиций (в 1892–1893, 1894, 1899–1903 гг.) по Семиреченской, Семипалатинской, Ферганской областям и Алайской долине среднеазиатских орнаментов должен был состоять примерно из 350 листов с изображениями памятников декоративно-прикладного искусства (изразцов, мозаик, традиционной и современной резьбы, чеканки, тиснению по коже, росписи, вышивки, керамики и т.п.) туркмен, таджиков, узбеков и казахов. Таблицы должны были сопровождаться пояснительными текстами. Для этого альбома был исполнен ряд калек, набросков, заметок, фотографий. В апреле 1907 г. материалы к этому неопубликованному альбому из 60 рисунков казахских орнаментов были приобретены для Библиотеки Академии художеств, где они хранятся и сейчас. В 1913 г. он передал МАЭ ПАН две коллекции фотокопий и негативов собственных рисунков резьбы по дереву на дверях дворцов и мечетей Коканда, Андижана и Самарканда (1894) и негативы образцов рисунков узбекских, туркменских и афганских ковров (подробнее см.: [Прищепова, 2011, с. 636–641]).

⁴⁴ Березовский Михаил Михайлович (1848–1912), зоолог, ботаник, путешественник, с 1877 г. во время 14-ти экспедиций исследовал Монголию, Тибет, Китай, по поручению РКИСВА совершил путешествие в Кучу (Восточный Туркестан, 1905–1908). См. его письма к С.Ф. Ольденбургу с описанием хода работ: [Бухарин, 2011–2012, с. 77–105].

⁴⁵ Клеменц Дмитрий Александрович (1847–1914), этнограф, революционер-народник. На средства Петербургской АН путешествовал по Китайскому Туркестану (1898). В 1902 г. занял место хранителя Академического этнографического музея имп. Александра III (Этнографический отдел Русского музея). В 1910 г. вышел в отставку и переселился в Москву, где умер.

⁴⁶ Адлер Бруно (Бруно Вильгельм Карл Адольф) Фридрихович (1874–1942), этнограф, географ, антрополог, музеевед, представитель антропогеографического направления в этнографии; доктор философии Лейпцигского университета; магистр географии (1910); действительный член РГО (1903). Выпускник естественного отделения ФМФ МУ (1900), ученик Д. Н. Анучина, совершенствовал знания в Лейпциге у Ф. Ратцеля, работал консерватором Музея Гросса (Лейденский музей). С 1902 г. по приглашению директора МАЭ В.В. Радлова переехал в Петербург и занял должность младшего этнографа, зав. отделом Китая и Японии. В 1910 г., из-за конфликта с Л.Я. Штернбергом, перешел из МАЭ в Этнографический отдел Русского музея на должность хранителя.

⁴⁷ Имеется в виду Д.А. Клеменц.

⁴⁸ Могилянский Николай Михайлович (1871–1933), этнограф, выпускник Санкт-Петербургского (1893) и Берлинского (1894) университетов, парижской École d'Anthropologie (1895–1897), хранитель МАЭ ПАН, с 1908 г. – заведующий Этнографическим отделением Русского музея имп. Александра III. С 1920 г. – в эмиграции. Преподавал в университетах Франции и Чехии.

⁴⁹ Имеется в виду граф Дмитрий Иванович Толстой (1860–1941), директор Имп. Эрмитажа (с 1909).

⁵⁰ Имеется в виду В.В. Радлов; см. прим. 19.

⁵¹ Иванов Алексей Иванович (1877–1937), русский китаевед, тангутовед, японовед. Выпускник (1901) и приват-доцент (с 1905) ФВЯ ПУ, исследователь тангутской рукописной коллекции, привезенной П.К. Козловым из мертвого города Хара-Хото, составитель неопубликованного “Словаря тангутского письма”. Арестован и расстрелян в 1937 г.

⁵² Шталь фон Гольдштейн, Сталь фон Гольштейн, барон Александр Августович (Александр Вильгельм) (1877–1937), санскритолог, буддолог, специалист по центральноазиатской филологии, коллекционер рукопи-

сей, приват-доцент ФВЯ Петербургского университета (с 1909), основатель Китайско-индийского института Гарвардского университета в Пекине (1929).

⁵³ Бартольд Василий Владимирович (1869–1930), историк, филолог, востоковед-иранист, арабист, тюрколог, родоначальник отечественной исторической школы востоковедения; чл.-корр. (1910), ординарный академик (1913) ПАН, ординарный профессор (1906–1927), секретарь (1906–1910) ФВЯ ПУ, секретарь Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (1903–1918).

⁵⁴ Имеется в виду М.М. Березовский.

⁵⁵ Имеется в виду Свято-Троицкая община сестер милосердия, ныне НИИ гематологии и трансфузиологии (ул. 2-я Советская, д. 16).

⁵⁶ Николай Михайлович Березовский – двоюродный брат М.М. Березовского, сопровождавший его в экспедиции 1905–1907 гг. в Кучу.

⁵⁷ Имеется в виду В.И. Каменский, тогда возглавлявший Археологический отдел МАЭ ПАН.

⁵⁸ Имеется в виду Музей антропологии и этнографии ПАН.

⁵⁹ Речь идет о “практике-раскопщике” С.П. Петренко.

⁶⁰ Имеются в виду конверты для фотографических пластинок – стеклянных фотонегативов и диапозитивов.

⁶¹ Виктор Сергеевич Биркенберг (1890–1938), архитектор, художник, реставратор, участник 2-й РТЭ.

⁶² В письме речь идет о подготовке к печати “отчета”, под которым, очевидно, имеется в виду отчет о работах 1-й РТЭ [Ольденбург, 1914], изданный в мае 1914 г.

⁶³ Административный центр одноименного округа провинции Синьцзян.

⁶⁴ Арпа – смесь ячменя и соломы.

⁶⁵ Чаньфудун – урочище в провинции Ганьсу в современном Китае.

⁶⁶ Ван – начальник уезда.

⁶⁷ Личность не установлена.

⁶⁸ Окончание письма не сохранилось.

⁶⁹ Датируется по содержанию. В письме упоминается Н.А. Смирнов – участник 2-й РТЭ, а также Чаньфодун – основной объект исследования 2-й РТЭ. Очевидно, письмо написано на обратном пути из Чаньфодуна, откуда Дудин, Биркенберг и Смирнов выехали 1 ноября, в Урумчи, куда они прибыли 14 ноября, однако до их прибытия в Чугучак 8 декабря.

⁷⁰ Имеется в виду В.С. Биркенберг.

⁷¹ Манохин Иван – один из казаков сопровождения.

⁷² Горбунов Константин – один из казаков сопровождения.

⁷³ Михин Яков – один из казаков сопровождения.

⁷⁴ Дьяков Алексей Алексеевич (1876–?) – российский дипломат, драгоман, секретарь и консул российских консульств в Кульдже (1902–1912) и Урумчи (1916–1917), интересовавшийся историей Восточного Туркестана и издавшего несколько работ по истории региона. См. его переписку с С.Ф. Ольденбургом: [Бухарин, 2013, с. 444–453].

⁷⁵ В.С. Биркенберг.

⁷⁶ Б.Ф. Ромберг.

⁷⁷ Письмо не датировано, однако тематически оно продолжает предыдущее.

⁷⁸ Б.Ф. Ромберг.

⁷⁹ Имеется в виду В.С. Биркенберг.

⁸⁰ Имеется в виду Н.А. Смирнов.

⁸¹ До 1926 г. так назывался г. Новосибирск.

⁸² МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого АН.

⁸³ Имеется в виду В.В. Радлов.

⁸⁴ Подчеркнуто С.М. Дудиным.

⁸⁵ Альфред Горслей-Гинтон (1863–1908), английский фотохудожник, главный редактор журнала “Amateur Photographers.”

⁸⁶ Контант – в терминологии начала XX в. – сделка не в кредит, а за наличные деньги.

⁸⁷ Данное письмо содержательно продолжает предыдущее – в нем говорится о задержке с поставкой бумаги, заказанной у И. Гинтона, о чем речь идет в письме 11.

⁸⁸ В данном письме заканчивается обсуждение печати фотографий, начатое и продолженное в двух предыдущих письмах. По этой причине оно помещено после письма № 12.

⁸⁹ Имеется в виду М.В. Гребенкин – начальник почтово-телеграфной службы в Чугучаке (см.: [Ольденбург, 1914, с. 1]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АВ ИВР – Архив востоковедов Института восточных рукописей. СПб. Ф. 32. Оп. 1. Д. 14/26.

Бухарин М.Д. “Изнываю в неизвестности”. Письма М.М. Березовского С.Ф. Ольденбургу из собрания СПФ АРАН // *Восток–Запад. Историко-литературный альманах. 2011–2012*. М.: ГРВЛ; ИВИ РАН, 2013.

- Бухарин М.Д. Письма А.А. Дьякова С.Ф. Ольденбургу из собрания СПФ АРАН // *Вестник истории, литературы, искусства*. 2013. Вып. 9.
- Бухарин М.Д. Новые документы к истории изучения Восточного Туркестана // *Вестник древней истории*. 2014. № 3.
- Воробьева-Десятовская М.И. *Великие открытия русских ученых в Центральной Азии*. СПб., 2011.
- Воробьева-Десятовская М.И., Темкин Э.Н. Рукописи центральноазиатского фонда // *Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза*. М., 1963.
- Гумилев Л.Н. Статуэтки воинов из Туяук-Мазара // *Сборник Музея антропологии и этнографии*. Вып. XII. Л., 1949.
- Дудин С.М. Архитектурные памятники Китайского Туркестана (из путевых записок) // *Архитектурно-художественный еженедельник*. 1916. № 6; № 10; № 19; № 22; № 28; № 31.
- Дудин С.М. Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая // *Сборник Музея антропологии и этнографии*. 1917. Вып. 5.
- Дьяконова Н.В. Буддийские памятники Дуньхуана // *Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа*. 1947. № 4.
- Дьяконова Н.В. Шикишин. *Материалы Первой Русской Туркестанской экспедиции академика С.Ф. Ольденбурга. 1909–1910 гг.* М., 1995.
- Литвинский Б.А., Терентьев-Катанский А.П. История изучения // *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерк истории*. М., 1988.
- Люстерник Е.Я. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии // *Народы Азии и Африки*. 1975. № 3.
- Матвеева П.А., Резван Е.А. 2012: “Камень на дороге времени”. К 175-летию В.В. Радлова (1837–1918) // *Урало-алтайские исследования*. 2012. № 1(6).
- Мясников В.С. Образ академика С.Ф. Ольденбурга в документах его современников // *Monumentum Gregorianum. Сборник статей памяти академика Г.М. Бонгард-Левина*. М., 2013.
- Ольденбург С.Ф. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии // *Журнал Министерства народного просвещения*. Отд. IV. Ч. 349,9. СПб., 1903.
- Ольденбург С.Ф. 1911: Разведочная археологическая экспедиция в китайском Туркестане в 1909–1910 гг. (Сущность сообщения на заседании Вост. арх. об-ва) // *ЗВРАО*. Т. XXI. 1911–1912.
- Ольденбург С.Ф. *Русская туркестанская экспедиция 1909–1910 гг., снаряженная по Высочайшему повелению состоящим под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Краткий предварительный отчет*. СПб., 1914.
- Ольденбург С.Ф. 1921: Русские археологические исследования в Восточном Туркестане // *Казанский музейный вестник*. 1921. № 1–2.
- Ольденбург С.Ф. Пещеры тысячи Будд // *Восток*. № 1. Пг.: Всемирная лит., 1922.
- Ольденбург С.Ф. *Искусство в пустыне. “30 дней”*. Л., 1925.
- Ольденбург С.Ф. Памяти Самуила Мартыновича Дудина // *Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР*. Вып. IX. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1930.
- Памятники индийской письменности из Центральной Азии / Изд. текстов, исслед., пер. и коммент. Г.М. Бонгард-Левина, М.И. Воробьевой-Десятовской, Э.Н. Темкина (Серия: Памятники письменности Востока)*. М.: Вост. лит., 2004.
- Попова И.Ф. Первая Русская Туркестанская экспедиция С.Ф. Ольденбурга (1909–1910) // *Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX вв.* СПб., 2008(1).
- Попова И.Ф. Вторая Русская Туркестанская экспедиция С.Ф. Ольденбурга (1909–1910) // *Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX вв.* СПб., 2008(2).
- Прищепова В.А. 2011: К 150-летию со дня рождения С.М. Дудина – художника, этнографа (по материалам МАЭ РАН) // *Антропологический форум 15 online* (http://www.intelros.ru/pdf/Antropo_Forum_online/2011_15/prishepova2.pdf).
- Скачков П.Е. Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. // *Петербургское востоковедение*. 1993. № 4.
- Скачков П.Е., Чижикова К.Л. Библиография трудов С.Ф. Ольденбурга // *Сергей Федорович Ольденбург. Сборник / Отв. ред. Г.К. Скрябин, Е.М. Примаков*. М.: Наука, 1986.
- Сергей Федорович Ольденбург. Сборник / Отв. ред. Г.К. Скрябин, Е.М. Примаков*. М.: Наука, 1986.
- СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.
- Тункина И.В. Экспедиции С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан (1909–1910, 1914–1915) в документах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // *Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия / Материалы Международной научной конференции*. Москва, Архив РАН, 4–7 июня 2013 г. М., 2013(1).
- Тункина И.В. О судьбе неопубликованного научного наследия С.Ф. Ольденбурга (к 150-летию со дня рождения С.Ф. Ольденбурга) // *Наука и техника: вопросы истории и теории. Материалы XXXIV годичной международной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН “Историко-научный Санкт-Петербург: К 60-летию СПбФ ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН, 100-летию первых академических учреждений по истории науки и 150-летию*

со дня рождения Владимира Ивановича Вернадского и 125-летию со дня рождения Николая Ивановича Бухарина” (25–29 ноября 2013 г.). Вып. XXIX / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб., 2013(2).

Тункина И.В. Неизданное научное наследие С.Ф. Ольденбурга (к 150-летию со дня рождения) // *Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию*. 2012. СПб.: Наука, 2013(3) (в печати).

Тункина И.В. Документы по изучению С.Ф. Ольденбургом Восточного Туркестана в Архиве Российской академии наук // *С.Ф. Ольденбург – ученый и организатор науки* / Отв. ред. И.Ф. Попова. М.: Наука; Вост. лит., 2014 (в печати).

Художник С.М. Дудин о своем путешествии в Центральную Азию (газетная вырезка) // *СПФ АРАН*. Ф. 208. Оп. 1. Д. 164. Л. 37.

Gorshenina S. L'archéologie russe en Asie centrale en situation coloniale: quelques approches // *Études pontiques. Histoire, historiographie et sites archéologiques du bassin de la mer Noire* / Ed. P. Burgunder. 2012. № 1–2.

Grünwedel A. *Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschahri und Umgebung im Winter 1902–1903*. München, 1905.

Tunkina I.V. The personal papers of Sergey F. Oldenburg as a source for the history of the Russian expeditions to Eastern Turkestan: New archival data // *Tocharian Texts in Context: Proceedings of the International Conference on Tocharian Manuscripts and Silk Road Culture*. 26–28 June 2013, Vienna / Eds. Melanie Malzahn, Michaël Peyrot, Hannes A. Fellner, Theresa Illès. Bremen (forthcoming).